ИСЛАМ В СПЕЦИФИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Л.А. Баширов

Северный Кавказ, как ни один другой регион России, отличается феноменальной полиэтничностью и поликонфессиональностью: из более 170 российских этносов здесь проживают 70 считающих себя приверженцами разных верований. Этот факт являет собой объективную предрасположенность региона к повышенному уровню конфликтогенности этноконфессионального и этнополитического характера.

Однако подлинный феномен северокавказского полиэтнизма и политеизма заключается в том, что, несмотря на различное этническое происхождение (кавказское, тюркское, славянское и др.), несмотря на различие верований (ислам, христианство, иудаизм и др.), на крайне сложные условия хозяйствования (дефицит пашенных земель, дорог, естественно-географическая разобщенность и труднодоступность горских селений), несмотря на языковые барьеры и несовпадение по уровню социального и культурного развития, между северокавказскими народами на протяжении веков практически не отмечалось крупных межэтнических и межрелигиозных конфликтов.

Горские народы предоставили миру феноменальную парадигму гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений, убедительным подтверждением жизнеспособности которой является сам факт современного этноконфессионального многообразия, уходящего своими историческими корнями в древность. Только выработав и используя эффективные механизмы предотвращения и погашения конфликтов, только создав условия этнополитической стабильности можно было сохранить этноконфессиональное многообразие на сравнительно ограниченном пространстве Северокавказского региона, т.е. продлить до наших дней историю древнейших народов-автохтонов Кавказа и дать возможность для развития иных этносов, переселившихся сюда в поздние века.

Этот регион стал своего рода лабораторией, в которой веками создавались, апробировались и совершенствовались принципы и формы межэтнического мирного сожительства, методы бескровного урегулирования возникавших противоречий и конфликтов. На Северном Кавказа давно осознали, что мир является главным условием коллективного выживания всех горских народов, поэтому категорическим императивом кавказской этики всегда было умение дружить. Особым почетом и уважением на Кавказе пользовались люди, способные терпеливо и мудро вести миротворческие переговоры, замирять конфликтующих. Горцы с детских лет воспитывались в бережном отношении к чужой жизни и чести, за которые по законам кровной мести надо было платить жизнями своими или близких родственников; в уважительном отношении к представителям народов-братьев, соседей, к гостю любой национальности и веры.

Северокавказские народы на протяжении нескольких столетий выработали тонкие нравственно-этические и нравственно-правовые инструменты и технологии, народно-правовые институты, закрепленные в традициях и обычаях, служившие моральной и организационной основой, на которой фактически держалось горское общество. Неписаное право (от араб. «обычай») имело непререкаемый авторитет среди горцев, оказывало цементирующее и мобилизующее влияние на каждый отдельный этнос и межэтническое единство северокавказских народов, способствовало выработке специфического горского менталитета вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности.

У народов Северного Кавказа традиции и обычаи носят общее название – адат. Дореволюционный этнограф, исследователь жизни народов Кавказа Ф.И. Леонтович писал, что адат имеет троякое значение: во-первых, как обычай, живущий в народном предании во-вторых, как способ разбирательства судебных дел и, в-третьих, как закон местный, имеющий обязательное действие лишь в данной местности, по внутренним делам данной общины или народа[1].

[1] См.: *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. С. 4.

Исследователь чеченского тайпа М. Мамакаев, говоря о роли адата в жизни чеченского народа, писал, что чеченцы «решительно отказались признать шариат, пришедший на смену адату»[2].

И в наши дни многие вопросы, касающиеся семейно-бытовых отношений, чеченцы решают не на основе шариата, а на основе своих обычаев-адатов.

Именно традиционные народно-правовые институты, содержащие нравственные нормы социальной жизни, помогли репрессированным в сталинские времена северокавказским народам выстоять в экстремальных условиях ссылки, сохранить себя как этносы, не потерять внутриэтническую духовно-нравственную основу, национальное достоинство. Более того, именно репрессированные северокавказские народы в силу закрытости, обособленности жизни национальных общин в условиях ссылки и полного безразличия к этой жизни местных властей, сохранили горский менталитет, горские обычаи и традиции в большей чистоте, чем «лояльные» советской власти народы, подвергшиеся на родине соответствующему перевоспитанию – тотальной идеологической и психологической обработке в духе ленинско-сталинской теории национальных отношений, по которой малые этносы лишались всякой исторической перспективы, кроме ассимиляции с этносами крупными, а национальные обычаи и традиции, не соответствовавшие единому советскому образцу, объявлялись вредными «пережитками прошлого», подлежавшими безжалостному искоренению.

Другими словами, советская действительность искусственно породила межэтнические противоречия, расколов северокавказские народы на две категории: «лояльные», а, значит, более советизированные, и бывшие репрессированные народы, прошедшие суровую школу поголовной депортации и полицейского режима, отягощенные горечью потерь и обид за национальное унижение. Репрессированные народы крайне обостренно воспринимали любое ущемление прав и свобод, любое ограничение своего традиционно-национального порядка, образа жизни, которые они бережно сохраняли все годы политической ссылки.

И хотя со времени политической реабилитации последних прошло 50 лет, эти противоречия не изжиты, не восстановлено полностью доверие между народами, чьи исторические судьбы трагически разошлись в недавнем прошлом не по их вине. Немаловажен и тот факт, что в число репрессированных попали исключительно «нехристианские», в большинстве своем традиционно исламские народы. Это усиливает межэтническую напряженность особенно в двунациональных республиках: Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, где объединены народы, далекие по этническому происхождению (кавказское, тюркское) и языку, по недавнему историческому прошлому (репрессированные и «лояльные»). При этом репрессированные этносы обладают значительно большим зарядом агрессивного национализма, более откровенной ориентацией на национальное обособление, национальный сепаратизм. Однако националистические установки «лояльных» этносов, не желающих терять свое некогда привилегированное положение, представляются не менее опасными. Поэтому для этноконфессионального взрыва здесь достаточно самого незначительного, даже провокационно надуманного повода, как это произошло в Карачаево-Черкесии.

Узел глубоких, латентно вызревавших межэтнических противоречий имеет несколько основных источников: во-первых, негативная историческая память, связанная с жестокостями Кавказской войны, «ермоловщиной», означавшей тотальную ненависть к горским, особенно чеченскому, народам, безжалостное уничтожение населения, особенно мужского, начиная с мальчиков, достигших по росту «высоты колеса арбы», разворовывание имущества и сжигание целых аулов. Современная практика «умиротворения» Чечни – слишком яркое напоминание о колониальной войне прошлого века, чтобы не возбудить с новой силой антироссийские, сепаратистские настроения во всем регионе.

Во-вторых, продолжающаяся, как в царские и советские времена, практика ранжирования народов по степени «лояльности» к центральной власти, а также по конфессиональному признаку – предпочтительное доверие и демонстративная политическая опора на народы – единоверцы русского народа – осетинский, а в Закавказье – армянский. Соответственно наименьшим доверием пользуются народы, исповедующие «чужие» религии. Однако особую настороженность вызывают традиционно исламские народы Северного

[2] *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973. С. 75.

Кавказа – чеченцы, ингуши, народы Дагестана, карачаевцы, балкарцы как возможная социальная база распространения радикального исламского фундаментализма и радикального ваххабизма.

Именно Центр своей непродуманной национальной политикой расчищает поле для прорастания зерен исламского радикализма: практика политического ранжирования северокавказских народов ставит их в неравноправное положение, т.е. подрывает принципы российского федерализма, закрепленные в Конституции Российской Федерации, ослабляет авторитет власти, провоцирует этноконфессиональные конфликты. «Безграмотная и импульсивная работа федеральных органов власти на всех уровнях, которые чаще действуют в регионе методами заигрывания и равнодушия, – пишет профессор Р. Абдулатипов, – не отвечает интересам народов региона и перспективной государственной стратегии на Кавказе. Особенно губительную роль играет также исторически сложившийся и поныне господствующий в кавказской политике стереотип о том, что на Кавказе уважают силу, и его следствие – попытки управлять делами на Кавказе военно-административными методами. Важно понять, что на силу здесь отвечают силой, а на дружбу – дружбой»[3]. Автор подчеркивает: «Ситуация на Северном Кавказе пока свидетельствует о глубоком кризисе форм и методов, практики государственной национальной и федеральной политики в целом»[4].

Прошло более шести лет, после того как были написаны эти строки, однако политика Центра с тех пор в регионе мало изменилась, да и этнополитическая обстановка остается напряженной, поскольку повсеместно – в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Северной Осетии и т.д. – конфликтонесущие, провоцирующие базовые факторы пока не нейтрализованы, а загнаны вовнутрь[5].

Примером такой безграмотной и импульсивной политики является так называемый осетино-ингушский конфликт, в котором власть заняла непродуктивную позицию – не «над схваткой», а на стороне «лояльного» народа, в ущерб не только конфликтующим сторонам, но и общегосударственному интересу – политической и этноконфессиональной стабильности в регионе. В результате конфликт не разрешен, загнан вовнутрь, а значит, может вспыхнуть с новой силой в любой момент.

Между тем этого кровавого конфликта можно было избежать, если бы государство поддержало его разрешение методами традиционной горской миротворческой дипломатии, которая тогда уже действовала и была близка к позитивному результату.

Прав исламовед А. Малашенко: «Несмотря на обилие программ, касающихся разрешения общей кризисной ситуации на Кавказе, приходится констатировать, что у Центра нет четкой реальной стратегии в регионе. Его рецепты сводятся к набору указаний и призывов типа “предотвратить”, “улучшить”, “повысить” и т.д.»[6]. Трудно не согласиться и с утверждением автора о том, что у Центра нет понимания того, насколько Северный Кавказ единый социально-политический регион и насколько в отдельных его фрагментах велика местная специфика[7].

В связи с этим, следует продолжить перечень основных источников узла этноконфессиональных противоречий на Северном Кавказе. В-третьих, незнание, непонимание, а, следовательно, недооценка и даже пренебрежение со стороны политиков к системе духовно-нравственных ценностей, традиций и норм обычного права, которые выработаны и плодотворно использовались на протяжении веков горскими народами в своем общественном устройстве и практике гармонизации межэтнических отношений.

Это тем более актуально, что нынешний этап урегулирования ситуации на Северном Кавказе остро ставит проблему соответствия законодательства республик – субъектов федерации законодательству Российской Федерации. Речь должна идти не только об этом соответствии, но и о соответствии конституций национальных республик традиционному горскому обычному праву, включающему всю гамму нравственно-этических, нравственно-правовых и нравственно-религиозных

[3] НГ-Регионы. 2001. 30 января. № 2.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001. С. 11.

[7] См. Там же.

норм, по которым жили и продолжают жить народы Кавказа, которые стали содержанием их национального менталитета. Речь идет о необходимости учета, использования этноконфессионального фактора в общественно-политической жизни современной России.

Специалист по мусульманскому праву – шариату Л.Р. Сюкияйнен пишет: «Там, где большинство населения составляют мусульмане, и ислам является одной из несущих опор общества, традиционного уклада жизни и мировоззрения граждан, светская власть действует в условиях в значительной мере несветского, мусульманского общества. Поэтому, чтобы влиять на такое общество и, тем более, управлять им, государство в своей политике не может не учитывать его исламской составляющей (которая, правда, тесно переплетается с местными обычаями и традициями). И не просто принимать во внимание исламские институты, нормы и ценности, но и целенаправленно использовать их, соизмерять с ними свои шаги. Без этого власть рискует не получить общественную поддержку и не считаться полностью легитимной в глазах мусульман»[8].

Полное игнорирование национальных особенностей и национальных реалий как одно из следствий неразвитости российского федерализма всегда осложняло и будет осложнять этноконфессиональную и правовую обстановку в стране, порождать у народов к нравственно-правовую раздвоенность, фактическое неуважение и неисполнение государственных законов.

Общероссийское и республиканское законодательство, не учитывающее этноконфессионального фактора, не адаптированное к внутринациональной жизни горских народов, воспринимается ими как нечто отстраненное, «чужое», не обязательное к исполнению, причем вызывающее отторжение и неприятие настолько сильно, насколько сильно принуждение следовать этим законам. А принуждение копит в народе неприязнь к тем, кто игнорирует его национальные традиции, проявляет нежелание познать и понять его духовные ценности, навязывая иные, чуждые ему порядки. Это прямой путь к межнациональной и политической (между республиками и Центром) конфронтации.

«К сожалению, существующие в сегодняшней России судебная и правоохранительная системы не учитывают эти особенности правосознания и мировоззрения мусульман в своей правоприменительной практике», – пишет Л.Р. Сюкияйнен. По его мнению, «следует пересмотреть позицию российского государства по отношению к мусульманско-правовой культуре... у мусульманско-правовой культуры имеется немалый позитивный потенциал, который при строгом соблюдении Конституции вполне может найти свое место в правовом развитии ряда субъектов Российской Федерации»[9].

Демократическая Россия должна помочь горским народам стать законопослушными гражданами, преодолеть нравственно-правовую раздвоенность, проникнуться чувством того, что законы Российской Федерации – это и их законы, которые дают им право жить в ладу с нормами национальных традиций и обычаев, не ограничивающими права других народов.

Сегодня федеральный Центр действует с позиций устаревших запретов, добиваясь формального соответствия конституций национальных республик Конституции России. Однако суть проблемы представляется более сложной и трудоемкой: конституции национальных республик не должны быть слепками с общероссийской Конституции, они должны наполниться живой мыслью, отражать реальную национальную жизнь.

В свое время царская администрация, осознавшая необходимость особой программы интеграции кавказских народов в российское правовое поле через изучение обычного права горцев и согласование его с российскими законами, учредило специальное отделение при Юридическом обществе в Санкт-Петербурге (1897 г.) для изучения национальных правовых норм по основным направлениям: гражданское и уголовное право, судопроизводство. Начиная с XIX в. российскими этнографами и юристами была проведена огромная работа по сбору и изучению материалов по обычному праву народов России.

Изучение и использование традиционных народно-юридических институтов в практической

[8] *Сюкияйнен Л.Р.* Российская государственная политика в отношении ислама: исходные принципы, цели и направления (Исследовательский семинар «Татарский вопрос в России», январь 2004). М., 2004. С. 14–15.

[9] Там же. С. 13–14.

национальной политике на Северном Кавказе обеспечит взаимное понимание и взаимное уважение между горскими народами и федеральной властью, сохранив тем самым стабильную этноконфессиональную и этнополитическую обстановку в регионе. Поэтому современная национальная политика России на Северном Кавказе должна исходить из принципов конкретно-исторического подхода и либерализации при отработке соотношения федеральной и республиканских конституций, изыскивать возможности совмещения законов Российской Федерации с этноконфессиональными факторами.

Важно не только реанимировать позитивные традиции и обычаи горских народов и снять проблему нравственно-правовой раздвоенности людей (дома – нормы шариата – адата, а за пределами дома – законы государства), но и включить в работу исторический опыт кавказского миротворчества, перенести центр тяжести межнационального миротворчества из государственных структур в сферу народной дипломатии. Другими словами, следует поручить этот сложный процесс самим народам, обеспечив необходимое правовое поле.

В-четвертых, источником многих противоречий в этноконфессиональной сфере является процесс суверенизации. После распада СССР и провозглашения Россией своей независимости заметно усилился фактор этнической идентификации всех народов внутри Российской Федерации и, в частности, на Северном Кавказе. Адыгейская автономная республика вышла из состава Краснодарского края, Карачаево-Черкесская – из Ставропольского края, они стали самостоятельными республиками – субъектами Российской Федерации. Чечено-Ингушетия разделилась, причем мирным путем, на две национальные республики в составе Российской Федерации.

Таким образом, процесс суверенизации как следствие бурного роста национального самосознания народов Северного Кавказа внес серьезные коррективы в структуру и состав Российской Федерации: упростилась и демократизировалась структура федерации – субъекты субъектов (национальные образования в составе краев) получили статус полноправных субъектов федерации, увеличилось число национальных республик – субъектов Российской Федерации.

В целом процесс суверенизации северокавказских республик проходил болезненно и эмоционально и, судя по событиям в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Дагестане, еще не завершен: в двунациональных республиках вопрос о национальном размежевании обсуждаются постоянно, а в Дагестане остро стоит «лезгинская проблема».

Процесс суверенизации северокавказских народов распространился и на духовную (конфессиональную) сферу. Национальная политическая элита стала активно привлекать на свою сторону религиозных лидеров и религиозные общины, опираться на них в своей политической деятельности. Именно с этими политическими целями связаны борьба за создание многочисленных «национальных» Духовных управлений, дезинтеграция исламских общин России по узконациональному и территориальному принципу. Это усилило внутриисламские противоречия, ослабило позиции «российского» (в том числе северокавказского, местного тарикатского) ислама перед угрозой проникновения радикальных форм фундаментализма – ваххабизма.

В ходе суверенизации резко обострилась межэтническая обстановка на Северном Кавказе. Прежде всего осложнились взаимоотношения между горскими народами и русским (казачьим) населением, которое всегда занимало несколько привилегированное положение в национальных республиках как представитель нации метрополии.

Отношения между горскими народами и казачеством исторически складывались сложно, неоднозначно: с одной стороны, существовал институт «куначества» (побратимство между казачьими и горскими семьями, поселениями), кровного родства через смешанные браки, а с другой – жестокая конфронтация. Социальная роль казачества на Северном Кавказе как активного исполнителя воли российского царизма по «усмирению горцев» в ходе колониальных войн XIX в. общеизвестна. Казачество как оплот имперской политики России того времени поощрялось «за верную службу царю и отечеству» лучшими землями и пастбищами, отобранными у горских народов. В пользу казачьих семей зачастую передавалось имущество, скот и дома, конфискованные у горцев, «нелояльных» колониальной администрации, так называемых «немирных».

Застарелая неприязнь между казачеством и горскими народами время от времени дает себя знать и сегодня, точнее, искусственно оживляется определенными политическими силами. В первую чеченскую войну был даже сформирован и разрекламиро-

ван СМИ специальный казачий полк имени генерала Ермолова, чтобы напомнить чеченскому народу о колониальном прошлом и возбудить русский национализм. Подобные провокации межнациональной розни искусственно дестабилизируют обстановку во вред всем народам Северного Кавказа и геополитическим интересам России в этом регионе.

Баланс этноконфессионального равновесия между казачьим и горским населением настолько хрупок, что может нарушиться в любой момент, превратив весь Юг России в сплошную «горячую точку». И, если баланс сохраняется, то только благодаря мудрости самих народов-соседей и некоторых политических деятелей края, не поощряющих ни словом, ни делом проявления «чеченофобии» и активно использующих методы кавказской народной дипломатии, традиций миротворчества.

Войны в Чечне до крайности обострили все противоречия на Северном Кавказе, латентно присущие этому региону и привнесенные извне:

– социально-политические как результат приватизации, породившей мощные криминально-родовые кланы с собственными миниармиями и спецслужбами. Коррумпированная, далекая от общественных интересов местная власть окончательно дискредитировала себя в глазах народа, фактически уступив свои властные функции криминально-родовым кланам;

– этноконфессиональные, разделившие население по этническому и религиозному признакам, способствовавшие тем самым формированию радикальных этнополитических и религиозно-политических союзов, партий, движений, давших простор для радикального исламского влияния извне на горские народы;

– идейно-политические между сторонниками радикального ислама (ратовавшими за построение исламского государства) и значительно большей частью мусульманского населения, выступавшего за светские порядки и сохранявшего в себе многие черты советского менталитета, интернационалистского мировоззрения.

В интересах России и российского общества – установление мира на Северном Кавказе, восстановление межнационального доверия, т.е. политическая стабильность как необходимое условие реализации важных геополитических интересов страны в этом регионе.

О геополитике и геополитических интересах России впервые открыто заговорили в связи с событиями на Северном Кавказе. До этого термин «геополитика» не использовался российскими политологами. Геополитика определялась как реакционная концепция, истолковывающая данные физической и экономической географии для обоснования завоевательной политики, прямо связанная с расизмом, фашизмом и социальным дарвинизмом. Автор термина «геополитика» шведский профессор-правовед, парламентарий Р. Челлен (1846–1922) понимал под геополитикой учение о государстве как географическом и биологическом организме, стремящемся к расширению своего «жизненного пространства», «естественных границ».

Трудно сказать, что именно понимают под «геополитическим интересом» наши политики, политологи и журналисты. Влияние данных географического и экономико-географического порядка на внутреннюю и внешнюю политику бесспорно. Проблема в другом: как совмещаются «жизненные пространства» разных народов – методом насильственного отторжения чужого «жизненного пространства» или методом цивилизованного договора? Сегодня этот вопрос звучит очень актуально и в связи с Чечней. Если Россия заинтересована в сохранении Чеченской республики в составе Российской Федерации как ее равноправного субъекта – это вопрос цивилизованного договора, согласования интересов. Если же для России важна исключительно подконтрольная территория Чеченской республики, то это – перспектива непрекращающегося вооруженного конфликта внутри страны

Геополитические интересы России на Северном Кавказе (военно-стратегические, политические, экономические, культурно-цивилизационные) определяются: географическим положением региона («ворота» из Европы в Азию, «мост» между Каспийским и Черным морями, выход на Закавказье и Ближний Восток); природными богатствами (нефтью и газом, транспортировка которых через российский Северный Кавказ сулит огромные прибыли).

Не следует сбрасывать со счетов и вполне законные права и интересы в развитии экономического потенциала региона северокавказских республик, входящих в Российскую Федерацию и обладающих, в соответствии с Конституцией страны, широкими внешнеэкономическими и политическими полномочиями. Ущемление их интересов чре-

вато новыми всплесками сепаратизма и вооруженных конфликтов в условиях коррумпированности местных и федеральных политических элит и милитаризованности этноконфессиональных движений, общин.

Напряжение между православием и исламом присутствовало на Северном Кавказе всегда, но стало особенно заметным после развала СССР, когда взаимоотношения между северокавказским (тарикатским) исламом и мусульманским миром с его многочисленными течениями, в том числе крайне радикальными, приобрели более тесный и непосредственный характер и как следствие усилилось влияние радикальных форм исламского фундаментализма на горские народы.

Немаловажную роль в христианско-исламских противоречиях играет и тот факт, что многоконфессиональная Россия стала все более приобретать черты «православной страны», а российское общество под влиянием РПЦ – «православно ориентированного» общества, в котором ислам, как и в царские времена, вновь оттеснен на периферию политической жизни. Это обстоятельство стало мощным катализатором не только исламизации Северного Кавказа, но и процесса подъема национализма горских народов, расценивших политическую практику Центра и позицию РПЦ как ущемление своих национальных и религиозных прав.

Усилению межконфессиональной напряженности зачастую и в прошлом, и сейчас способствует официальная политика. Когда на Северный Кавказ возвратились из мест депортации чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки, оставленные ими здания мечетей и дацанов они нашли либо совершенно разрушенными, либо превращенными в хозяйственные помещения. Однако партийные власти категорически запрещали их восстанавливать или строить новые. Это не могло не создавать особое напряжение в межрелигиозных отношениях, тем более что православные храмы функционировали повсеместно в центре городов и поселков. Мусульманам города Грозного потребовалось десять лет борьбы за свои законные права, чтобы открыть мечеть. А право издавать в своей республике Коран, шариат и другую религиозную литературу они так и не получили до развала СССР.

Этноконфессиональная напряженность воспроизводится и слишком вольным и частым использованием политиками и СМИ религиозной терминологии в связи с прошедшими войнами в Чечне («исламский экстремизм», «исламский террористический центр», «ваххабизм», «джихад» и др.). Это усиливает негативную конфессиональную доминанту этнополитических процессов, которые и без того продолжают обостряться по мере затягивания решения социальных, этноконфессиональных и политических проблем в регионе.

Для многоконфессиональной России, в которой ислам занимает второе место после православия по числу последователей, конфронтация между этими двумя конфессиями может иметь катастрофические последствия. Если для стран Запада подобный конфликт имеет внешний характер, то для России, евразийской по происхождению и менталитету, этот конфликт – глубоко внутренний, а значит, способный взорвать ее изнутри.

© Баширов Л.А., 2011